

Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г. С. Габаева (1877—1956)*

В. Н. АВТОКРАТОВ, доктор исторических наук

Задача раскрытия «белых пятен» в истории архивного дела и архивоведения имеет, как минимум, два взаимосвязанных аспекта. С одной стороны, — объективно присущее науке стремление к самопознанию, выяснению собственных истоков и получению неизвестных фактов своего развития. С другой, — преодоление ложных установок, искажавших подлинную историю, мешавших поиску истины, запрещавших изучать и объективно оценивать деятельность тех архивистов, которые подверглись репрессиям и были преданы забвению.

Это относится и к вопросам изучения развития основополагающих понятий архивоведения. Если многие аспекты генезиса категории «архивный фонд» уже исследованы¹, то история открытия другого фундаментального понятия — «фондообразователь» — остается загадкой. Ясно только, что это понятие возникло на русской почве. Однако дореволюционное архивоведение его не знало, что было главной причиной слабого освоения им категории архивного фонда, не ставшего в русских архивах инструментом классификации и учета документов. Западно-европейская архивная наука применяла другое понятие — «регистратура» — не равное «фондообразователю»: более узкое и, на наш взгляд, менее совершенное. В России оно было мало известно.

Архивоведческая литература не ставила вопроса и не содержала данных о том, кем именно и в силу каких непосредственных причин было найдено и получило свое наименование понятие «фондообразователь». Лет десять назад сотрудник ЦГАОР СССР А. В. Олигов показал нам протокол Общества российских архивных деятелей за 1924 г., где автор понятия был назван — Г. С. Габаев². Это имя часто встречается в документах первых лет советского архивного строительства: в 1918—1919 гг. Габаев являлся одним из активных организаторов ЕГАФ. В 1920 г. был опубликован отчет о конференции петроградских архивистов. В нем излагалось, в частности, содержание доклада Габаева об организации военных фондов³. Термин «фондообразователь» в отчете не употреблялся. Но логические посылки его возникновения можно увидеть.

Данная статья была задумана как исследование, в основном, истории открытия понятия «фондообразователь» и того содержания, которое вкладывал в него Габаев. Но изучение литературы и архивных источников, связанных с именем и деятельностью этого человека, расширило первоначальный замысел. Корни открытия Габаева ухо-

* Отдавая дань памяти подвижникам архивного дела, редакция начинает серию публикаций о тех, чьи имена незаслуженно забыты.

дили в область его занятий вопросами военно-исторического характера («полковая генеалогия»). Он занимался также организацией военных музеев. В печати встречаются лестные оценки работ Габаева в области декабристоведения, вексилологии (знаменоведения); его признают авторитетным специалистом по истории обмундирования, батальной живописи, военной иконографии. Интересы Габаева оказались многосторонними, а судьба драматичной. Он не стал крупным ученым. Этому помешали политическая обстановка, преследовавшие его тяжелые невзгоды. Но значение его открытия для архивоведения было огромным. Отсюда — уважение и интерес к Габаеву, стремление широко рассмотреть его жизнь и труды. Разносторонность научных занятий Габаева, разбросанность документов о нем по разным архивам и фондам усложняют эту задачу. Ограничивающим фактором явился также объем материала. Пришлось пойти на компромисс: некоторые вопросы только обозначить, часть текста перенести в примечания.

Георгий Соломонович Габаев (1877—1956) родился в семье провинциального офицера, происходившего из знатного грузинского рода Габашвили (Габаонели). Мать Г. С. Габаева принадлежала к семье обрусевших французских гугенотов Руссет. В 1895 г. Габаев окончил кадетский корпус с высоким выпускным баллом (11,06 по 12-балльной системе), а в 1898 г. — Николаевское инженерное военное училище с «дополнительным классом» (необязательный третий год обучения, дававший более глубокие знания)⁴. Вся дальнейшая его военная служба протекала в саперных частях. Как многие офицеры того времени, Габаев рано проявил интерес к военной истории. Стремясь восполнить отсутствие исторического образования, он поступил вольнослушателем в Петербургский археологический институт.

Г. С. Габаев. (1915 г.)

«В начале 900-х годов в аудиториях археологического института, — вспоминал Габаев, — можно было всегда увидеть десятки полтора молодых военных, стремившихся получить подготовку для работы над архивным материалом». Они работали в библиотеке Главного штаба, забирались под крышу «этого здания к рабочим столам Военно-ученого архива... спускались в тусклые полуподвалы Лефортовского архива», усердно изучали экспонаты, графику и документы Артиллерийского и Интендантского музеев, материалы частного собрания П. Я. Дашкова⁵.

Археологический институт Габаев окончил в 1903 г. со званием члена-сотрудника. Надо пояснить, что лица, имевшие высшее образование, получали более престижное звание действительного члена института. Вот почему Габаев с особенным удовольствием воспринял

в 1919 г. избрание почетным членом (что делалось для лиц «известных ученой деятельностью»). Даже на склоне лет он расценивал этот факт как заслуженную «регалию»⁶.

В Петербургском археологическом институте курс архивоведения в те годы читал А. П. Воронов. В его лекциях давалось общее представление о понятии архивного фонда, его недробности и историческом принципе группировки архивных дел по фондам⁷. Несомненно, это стало необходимым условием выработки впоследствии Габаевым понятия о фондообразователе. Однако в целом, по прошествии многих лет, Габаев так оценил подготовку, полученную в этом институте: он «дал мне немало в смысле расширения кругозора и критического подхода к литературе... и источникам». Но полностью заменить университет (о котором Габаев мечтал еще в кадетском корпусе) не мог. «Мне с большим трудом приходилось самому вырабатывать научный подход к моим занятиям». Гораздо больше дало общение с офицерами-однокурсниками, особенно с А. И. Григоровичем, В. В. Квадри, и «сочленами» редакции «Столетия Военного министерства», а также с военными историками М. Д. Подьяновым, Б. В. Адамовичем и др.⁸

В среде военных историков того времени было много представителей «полковой историографии», занимавшихся составлением историй полков — для удовлетворения естественного интереса военной интеллигенции к боевому прошлому русской армии. К полковым историографам примыкали «полковые музейеры» — организаторы и хранители полковых музеев⁹.

Военным историкам была характерна заметная отстраненность от либеральных и демократических течений общественной мысли, недостаточными были связи с гражданской историографией. Они были воспитаны в духе профессиональной идеологии, глубоко проникнутой монархическим окрашенным патриотическим чувством. Испытывая в условиях роста революционного движения и обострения международной обстановки тревогу за судьбу России и ее вооруженных сил, они считали, что изучение и пропаганда истории воинских частей окажет им нравственную поддержку, укрепит боевой дух в будущих испытаниях. «Мы обязаны верить в вечность наших полков...», — писала газета «Русский инвалид»¹⁰. Отсюда происходило стремление поднять воспитательное значение и научный уровень военно-исторических трудов, совершенствовать организационные формы работы военных историков. Усилился их интерес к архивам и музеям. На страницах военной печати часто звучал мотив — писать только правду. История полка, предостерегал известный военный историк П. О. Бобровский, «не должна быть панегириком»¹¹.

Неслыханное поражение в войне с Японией усилило эти настроения. В 1907 г. возникло имп. Русское военно-историческое общество (ИРВИО), целью которого было «изучение военно-исторического прошлого русского народа во всех его проявлениях»¹², создание для военных читателей исследований, посвященных годовщинам событий военной истории, и вообще — содействие «подъему духа и укреплению нравственных начал в армии путем соответствующего исторического воздействия»¹³. Идея создания ИРВИО принадлежала сотрудникам многолетнего «Столетия Военного министерства» и группе петербургских полковых историков и музейеров¹⁴. Габаев относился к тем и другим. В одном из томов «Столетия...» он поместил очерк из истории инженерных войск, затем издал «хронику-родословную» инженерных войск (за все время их существования в России), призванную служить пособием «для исторических изысканий и справок»¹⁵. Он же был устроите-

лем музея лейб-гвардии саперного батальона (в котором служил с 1900 г.)¹⁶. Поэтому не случайно Габаев стал одним из учредителей ИРВИО, в 1910 г. вошел в его Совет и Комиссию для разработки вопросов военной историографии, активно работал в Разряде полковых и корабельных историй этого общества, являлся помощником редактора «Журнала ИРВИО»¹⁷.

Торжественно отмечавшееся столетие Отечественной войны 1812 г. сопровождалось изданием большого числа сборников документов, исследовательской и популярной литературы. Несколько ценных работ опубликовал и Габаев. Одна из них — «Роспись русским полкам 1812 года» — раскрывала состав регулярных войск того времени, их дальнейшую судьбу, преемственную связь с «нынешними» полками. Здесь же даны описания знамен и штандартов, под которыми они сражались на Бородинском поле, сведения о вооружении, мундирах, киверных гербах, погонах, эполетах¹⁸. Одновременно Габаев издал «краткий» (но на 180 страницах!) очерк истории лейб-гвардии Саперного батальона¹⁹, написанный, как отозвался анонимный рецензент, «без громких вычурных фраз, но с несомненной гордостью за свою часть»²⁰.

Изучение полковых регалий и отличий в то время часто называлось военной геральдикой. В этой проблеме особое внимание Габаева привлекало знаменоведение, которому он посвятил несколько работ²¹. Их появлению способствовало возникновение по инициативе морского офицера П. И. Белавенца в 1911 г. при императорской Военно-походной канцелярии Комиссии по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен. Комиссия организовала выявление знамен, хранившихся в музеях и соборах, составляла формуляры и картотеку. Для научной атрибуции использовались архивные документы. Значимая фотографияровалась, изображения переводились на ватман в пяти экземплярах и раскрашивались акварелью с точным воспроизведением цвета. Предполагалось, что комплекты рисунков будут навечно переданы в научные хранилища разных городов²². Габаев, став членом комиссии («по отделу русских знамен») и, имея склонность к работе акварелью, «зарисовал и зарегистрировал» в 1913—1914 гг. около 2 тыс. акварелей. Кроме того, комиссия по почину Г. С. Габаева собрала еще так называемые «определятельные рисунки» знамен, скопировав их с архивных документов²³. Они облегчали атрибуцию обнаруживаемых знамен.

«Знаменный вопрос» волновал Габаева и в послереволюционное время. Нарушив хронологию событий, скажем об этом несколько слов. В начале 1918 г. «трофейная комиссия» потеряла связь с военным ведомством. Наркомпрос и Наркомат имущества республики стремились ее упразднить. Однако летом Наркомвоен восстановил комиссию и передал в подчинение Всеросглавштабу²⁴. Намечался ее перевод в Москву. Неясной оставалась судьба Знаменного отдела. Возглавлявший его Белавенец не желал покидать Петрограда. В отчаянии он искал помощи у петроградского отдела музеев, который в свою очередь обратился за консультацией к Габаеву, видя в нем «лицо особо компетентное в деле военных музеев»²⁵. 4 сентября 1918 г. Габаев представил развернутое заключение «О степени необходимости восстановления Комиссии для научного зарисовывания старинных русских и трофейных вражеских знамен». Но он желал ее восстановления не в составе Наркомвоена, а в Наркомпросе — в отделе музеев или Главархиве. Приведем несколько необходимых цитат, показывающих осведомленность Габаева и глубину его переживаний сложившейся ситуации.

Габаев писал: «В настоящее время, когда уже погибла в Ярославле от огня большая часть крупнейшего государственного собрания русских старых и трофейных (вражеских) знамен (ибо не меньше 54 ящиков с 1500 знамен[ами] Артиллерийского музея погибли в Ярославле), не выяснена участь других эвакуированных собраний...»²⁶. Более чем вероятно гибель истлевших полотнищ знамен, вывезенных из Петрограда. «Многие Русские собрания теперь [оказались] вне пределов России (например, Храм Славы в Тифлисе²⁷, собрания на Украине, в Польше и в Финляндии)». Это придает работам бывшей трофейной комиссии, великолепно зарисовавшей несколько тысяч знамен, «первостепенную важность в историко-археологическом отношении». Но, если сделанное не будет теперь же приведено в систему и завершено, то все это исчезнет. Только Белавенец, продолжал Габаев, может продолжить дело «первостепенного научного интереса и организовать комиссию по описанию и зарисовыванию знамен». Следует охватить и другие группы знамен — хранящиеся в недоступном ранее Аничковом дворце и прочих неизвестных еще местах, «а также зарисовать новые революционные знамена, почти сплошь не регламентированные, а потому в случае утраты подлинников должностующие неизбежно ускользнуть из поля зрения исследователей»²⁸.

Но вернемся к годам, предшествовавшим мировой войне. Строевые офицерские обязанности не обременяли Габаева. Он сам отмечал позднее, что «большую часть службы был откомандирован для научно-исторических работ»²⁹. В это время он много печатался. Росло его профессиональное умение выявлять и анализировать используемые источники. В 1912 г. сытинская «Военная энциклопедия» поместила статью, где он характеризовался как «современный военный писатель и исследователь отечественной военной старины». Назывался ряд его работ. Сжато эти данные приведены в другой энциклопедии³⁰. Появление персональных статей свидетельствовало, что Габаев стал известным ученым. Об этом же говорило избрание его членом Тамбовской и Таврической губернских ученых архивных комиссий³¹. В то же время Габаев активно участвовал в разработке плана проведения в 1912 г. юбилейных торжеств³², за что был награжден светлобронзовой медалью на аннинской ленте. Дважды он получал «монаршее благоволение» — за труды в Особом комитете по устройству в Москве Музея 1812 г. и за организацию Русского отдела международной выставки в Бреславле в память Освободительной войны 1813—1815 гг.³³. «Я положительно кипел в исторической и музейной работе», а накануне войны «хотел совсем оставить строй и перейти всецело на свою любимую историческую работу, но,— добавлял Габаев,— сделать это смог лишь в 1918 г.»³⁴.

Интересы Габаева были узко специальными. Но работал он хронологически широко, тщательно, с высокой научной ответственностью. Однако изучением истории войн и военного искусства он не занимался. В зрелые годы Габаев посчитал это недостатком: я — «мелочный, кропотливый исследователь деталей», — писал он в дни депрессии Ю. Г. Оксману (1929 г.)³⁵. Такая негативная самооценка сильно преувеличена. Накапливающийся громадный запас обработанных «деталей» постепенно выводил Габаева на разработку специфических, но проблемных вопросов.

Важным из них было «полковое родословие». В конце XIX — начале XX в. русская генеалогия углубила и расширила понимание своего предмета. Помимо обычных разработок дворянских родословий (перечней поколений родов, показывающих происхождение и степе-

ни родства их представителей), стало исследоваться «историческое содержание» семейных связей. К генеалогическим сюжетам обратились профессиональные историки. Пробудился интерес к использованию генеалогических данных при исследовании вопросов истории культуры, других областей знания³⁶. Благоприятную почву генеалогический подход нашел в среде военных историков, что в нашей литературе не отмечается.

История воинской части как объект наблюдения обнаруживала определенное сходство с генеалогическим понятием «род». Дело в том, что в русской армии полк, будучи тактической и административной единицей, рассматривался также как некоторая коллективная личность («сборная особь» — по своеобразному выражению Габаева), наделенная признаками достоинства, чести, неразрывно связанными с его исторической репутацией.

Некоторые полки насчитывали 200 и более лет существования, но обычно под разными наименованиями. От старых полков отпочковались новые, имевшие свою историю. Отсюда — генеалогические термины: «полки-родоначальники», «полки-потомки», «ближайшие и прямые потомки», применявшиеся Габаевым³⁷ и другими авторами. Большое значение придавалось «старшинству полков», которое давало символические, но высоко ценимые офицерами преимущества. По этому поводу иногда возникали споры, рассматривавшиеся при участии Габаева в ИРВИО.

История воинских частей разрабатывалась в трудах двух основных жанров: собственно историй полков (батальонов, иногда рот, эскадронов, батарей, очень редко — дивизий) и «войсковых хроник». О первых уже говорилось. Это описания обстоятельств формирования воинских частей, их участия в походах, подвигов, важнейших событий мирной жизни, передислокаций, реформирования и т. д. Всего с середины XIX в. издано до 300 полковых историй (включая «полковые памятки», предназначенные, в основном, для солдат). Из них более 170 вышло в 1900—1917 гг.

Войсковых хроник было гораздо меньше. Как правило, это были официальные справочники, разработанные административным аппаратом военного ведомства. Охватывая всю армию, все ее полки, они содержали лишь фактографическую канву их истории и, не будучи результатом научных исследований, грешили многими неточностями³⁸. В конце XIX — начале XX в. появились хроники отдельных родов войск, написанные военными учеными. В их числе была упоминавшаяся «хроника-родословная» инженерных войск Габаева, выполненная на большом объеме проверенных источников. Автор объяснил, что им приведены «только окончательные выводы без... сложных и громоздких лесов», которые остались за текстом³⁹. Основу книги составляла именно «хроника»: перечень важных моментов в жизни инженерных частей. В приложении даны родословные таблицы саперных батальонов, телеграфных рот и понтонных частей. Периоды между узловыми вехами их истории в таблицах были условно тождественны «коленам» дворянских родословных книг.

Важное назначение этой работы Габаев видел в том, чтобы облегчить будущим войсковым историкам их разыскания. Пользуясь приведенными в ней указаниями «как схемой», они смогут легче найти и «быстрее разобраться» в архивных материалах по истории конкретной воинской части⁴⁰. Понимание эвристического значения истории изучаемых объектов обнаруживает высокий уровень архивоведческого мышления Габаева.

Перед самой войной Габаев подошел к идее масштабного науч-

ного построения: исчерпывающе выявить и привести в системно-генеалогическую связь факты существования всех «единиц русской боевой мощи» — за все время существования регулярной армии. Это построение Габаев называл «полковым родословием». Уже в послереволюционное время он говорил, что разработка такого родословия включает: установление состава армии в «известные исторические моменты», получение данных о начале, переименованиях, преобразованиях, завершении существования «каждой единицы и преемственной связи этих единиц между собой». Габаев объяснял, что полковое родословие — научная дисциплина, занимающая в военно-исторической науке такое же место, которое занимает «общее родословие в общей исторической науке». Все вопросы общего родословия (происхождение, рождение, события жизни, «конец», родственные связи и союзы) рассматриваются в нем применительно к войсковым частям. То, что труды по полковому родословию «именовались преимущественно хрониками», — продолжал Габаев, — следствие того, что «работники этой отрасли» не опознали ее в качестве соответствующей дисциплины. Только в начале века в ИРВИО — «в Разряде полковых и корабельных историй, возглавляемом П. П. Потоцким, и в совете Общества получил право гражданства термин полковое родословие»⁴¹.

В личном фонде Габаева представлен громадный, частично обработанный материал по полковому родословию. Эта работа началась еще до первой мировой войны и продолжалась, по словам Габаева, до 1925 г.⁴² Материал сгруппирован по родам, видам войск, а иногда и по другим признакам⁴³.

В годы войны Габаев находился в составе 1-го гвардейского корпуса на фронте⁴⁴. Ранняя его миновали, хотя он «еженедельно обходил головные линии и много бывал под огнем». В декабре 1915 г., когда ему было 38 лет, он стал полковником⁴⁵. В феврале 1916 г. батальон, в котором он служил, был развернут в лейб-гвардии саперный полк, и Габаев стал командиром батальона в этом полку⁴⁶. В начале марта 1917 г. он был утвержден в должности помощника командира полка⁴⁷.

В приложении к послужному списку Габаева (сентябрь 1917 г.), перечислено 29 важных моментов его «боевой бытности». Вот несколько выдержек. За 1914 г.: «при отеснении противника с позиций у гор. Люблина до реки Сан — с 19 августа по 3 сентября; при преследовании противника в Галиции до гор. Колбушева — с 9 по 12 сентября». За 1915 г.: «Под Ломжей — с 30 января по 15 июня; под Красновом — с 4 по 16 июля; при отходе к крепости Брест-Литовск — с 17 июля по 2 августа...». За 1916 г.: «На реке Стоходе в районе Тихотины, Нсмера — Рай — Место — с 9 по 23 июля... В позиционной войне в районе Шельвов — Бубнов — Корытница — с 20 сентября по 21 декабря». За 1917 г.: «...При наступлении корпуса в Тарнопольском районе — с 18 июня по 6 июля» (и др.). В целом, эта справка рисует, хотя и схематически, боевой путь Габаева на фронте⁴⁸. Отметим, что в 1914—1916 гг. Габаев получил четыре ордена, а также «мечи и банты» к трем орденам, которыми он был награжден до войны за выслугу лет⁴⁹.

Нетрудно представить тяжелое моральное состояние Габаева в последний год его службы в старой армии, когда после Февральской революции стал неудержимо нарастать процесс ее разложения. Но именно революционные события создали условия для дальнейшего служебного продвижения Габаева. Видимо, солдатская масса к нему относилась хорошо. В марте 1917 г. он был избран председателем полко-

вого комитета, а в июле — вновь переизбран на этой должности. Тогда же по просьбе солдат он был назначен командующим полка, а в декабре переизбран в этой должности⁵⁰. Это произошло в условиях, когда две трети солдат полка разделяли большевистские взгляды, а большая часть остальных была приверженцем «других социалистических партий». Но «это было уже не блестящее достижение, а тяжелый крест», считал Габаев. В справке, выданной Габаеву (не раньше 1 апреля 1918 г.), отмечалось, что он находится «вне всяких партий и политики»⁵¹. Возможно, политическая нейтральность устраивала в то время многих.

В воспоминаниях Габаева есть такие строки: «1.XII.1917 г., когда я получил право на производство в генералы, как командир гвардейской части, пробывший полковником 2 года на фронте, я снял погоны, т. к. в этот день по Первому гвардейскому корпусу проводилось упразднение чинов и орденов и введение выборного начала. Может быть, это и мелочи, но и они показательны в смысле везения и невезения. Самое же горькое было то, что мне, фанатику и составителю истории гвардейских сапер, имевшему печальную честь быть их последним командиром и отдавшему 13 месяцев невероятных усилий (март 1917 — апрель 1918) за сохранение полка, пришлось подписать последний приказ 1.IV.1918 г. о его расформировании и вернуться в Петроград не как мои предшественники — триумфаторами во главе гвардейских сапер после побед 1828, 1831 и 1877 гг., а одному в телячьем вагоне»⁵².

Весной 1918 г. в Петрограде действовал организованный Д. Б. Рязановым Центральный комитет по управлению архивами. Наиболее крупной фигурой в окружении Рязанова был профессор С. Ф. Платонов, имевший знакомых в среде петроградских архивистов. Военный археолог Н. М. Печенкин горячо рекомендовал Габаева Рязанову и Платонову для организации военных архивов. Вспоминая этот переломный момент своей биографии, Габаев писал, что 14 мая 1918 г. он «был приглашен для выявления военных архивных фондов» центральных учреждений старой армии, штабов и частей Петроградского военного округа «и организации из них Военного отделения Главархива. Я горячо принялся за эту работу и был утвержден 10.VI временно — заведующим 1-го отделения 3-й секции Главархива»⁵³, а 7.XII — заведующим. Удалось подобрать блестящий состав сотрудников и работа закипела»⁵⁴.

Так Габаев писал спустя много лет, и эти слова выражали общее радостное воспоминание о времени, когда он, вслед за перенесенными потрясениями, неожиданно приобрел прекрасное поле деятельности. После расформирования старой армии «вечное существование» ее полков стало возможным только в форме памяти о них, а для этого нужно было сохранить документы. Здесь устремления ревнителей военного прошлого и задачи архивной реформы 1918 г. полностью совпадали. В этом Габаев не отличался от других историков, взявшихся тогда за архивную работу. Их общим идейным мотивом было спасение и упорядочение для потомков национального архивного наследия⁵⁵. Но им пришлось преодолевать большие трудности.

Для Габаева первой из них стал вопрос о сотрудниках. Несколько недель он работал вообще один, поскольку Всеросглавштаб и Петроградский облвоенкомат противились до октября 1918 г. передаче стационарных военных архивов, их штатов и кредитов Главархиву. И сами сотрудники этих архивов стремились остаться в кадрах военного ведомства⁵⁶. Поэтому Габаев подбирал на руководящие должнос-

сти бывших строевых офицеров и военных чиновников⁵⁷.

Наиболее энергичным и преданным делу сотрудником Габаева стал Дмитрий Дмитриевич Зуев — 27-летний преображенский полковник, выпускник Пажеского корпуса, георгиевский кавалер, трижды раненный на фронте («локтевой сустав левой руки недвижим»). Будучи заведующим музеем и (с 1911 г.) архивом Преображенского полка, Зуев, после его расформирования, «перешел в ведение комиссара по охране и перевозке полковых музеев и Главного управления архивным делом». Он обладал некоторым опытом научных занятий в Лефортовском архиве «по изысканию участия полка в кампании 1812 г.», собиранию и систематизации документов первой мировой войны, но печатных работ не имел. С лета 1918 г. Зуев заведовал отделом в 1-м отделении III секции ЕГАФ, а в декабре стал помощником Габаева⁵⁸.

В конце августа 1918 г. Габаев принял на службу генерал-лейтенанта В. И. Селивачева, влачившего жалкое существование (кормился перетаскиванием досок, работая поденщиком на одном из петроградских заводов). Через два месяца Селивачев уехал в Москву и возглавил 1-е московское отделение III секции, а в декабре 1918 г. был назначен заведующим этой секцией, т. е. стал начальником Габаева⁵⁹.

Выявление фондов, разбросанных на территории Петроградского военного округа, часто неизвестно где именно, было первой задачей Габаева и его сотрудников. Определенные надежды возлагались на получение информации из провинции. 10 сентября 1918 г. Комитет Глав-архива принял предложение Габаева «по поводу докладов с мест»: просить губернские ученые архивные комиссии (они кое-где продолжали функционировать), местные учреждения, в том числе наробразы, и общества, отдельных лиц сообщить о принятых где-либо на хранение материалах войсковых частей; указать им «на необходимость сохранения фондов (состав архива) каждого полка... нераздельными»⁶⁰.

Большую роль сыграла сформированная Габаевым «разведывательная группа», искавшая затерянные архивы. Объем работы был громадным. Это отражено, в частности, в «Кратком очерке возникновения 1-го петроградского отделения III секции ЕГАФ (Петроградские военные фонды с мая по октябрь 1918 г.)». Его авторы — Габаев и Зуев — назвали 430 фондов центральных и окружных управлений военного ведомства, офицерских школ, полков, штабов, крепостных частей, местных бригад, arsenалов, военных заводов и др., местонахождение которых не всегда было известно. Кроме того, предстояло найти до 300 архивов запасных частей, санитарных и других учреждений, сформированных в годы войны или эвакуированных из других округов. Почти все это находилось в гибельном, хаотическом состоянии. Необходимо было «выяснить» и учесть эти фонды, найти помещения для их концентрации. К осени 1918 г. удалось выполнить только часть этой работы⁶¹.

Однако для того, чтобы успешно искать и учитывать материалы, требовалось предварительно знать, что в принципе можно найти, что где-то могло существовать. Затем следовало собрать найденное и совершить операцию, которая теперь называется фондированием, т. е. распределением, классификацией материала по признаку общности происхождения — по архивным фондам. Теоретическая сложность состояла в том, что понятие архивного фонда еще не получило точного определения, а понятие фондообразователя не было вовсе.

Невозможно представить человека более подготовленного к такой работе, чем Габаев. Произошло полное и для Габаева естественное совпадение предмета полкового родословия с задачей учета, собирания и

классификации военных архивных фондов — «по клеточкам боевого организма». В воспоминаниях Габаева отмечается, что при «конструировании» петроградского военного отделения III секции ЕГАФ Главархив разрешил образовать научно-историческую группу с задачей подготовки указателей о распоряжениях по формированию, преобразованию и упразднению воинских частей в 1914—1918 гг., циркуляров последних 50 лет о фактическом исполнении приказов о расформировании полков и местах, куда предписывалось сдавать их материалы. Заново предполагалось составить хронику русской артиллерии. На себя Габаев взял создание хроники наиболее обширного рода войск — пехоты⁶². Являясь продолжением его прежних трудов, эти занятия озарились светом новых задач и выполнялись теперь коллективно. Ход работы, отмечал Габаев, «докладывался в нескольких научных заседаниях»⁶³.

Работой отделения Габаев руководил, отдавая подчиненным четкие поручения: «На текущую неделю ближайшей задачей Вам ставится: 1) Закончить перевозку архива 1-й бригады... 4) Разыскать месторасположение архива роты дворцовых гренадер: по имеющимся сведениям он находится в доме № 14 по Шпалерной ул.». Или: составить (в такой же срок) «подробный план перевозки в помещение Главного штаба дел ликвидационных комиссий с расчетом, дабы перевозка эта имела вполне систематический характер и фонды поступали... полностью по каждой [воинской] части». Некоторые поручения выражались в деликатной форме: «Прошу господ служащих... не отказывать сообщить, кого они знают из бывших офицеров гвардии, ныне находящихся в Петрограде» — для возможного их содействия в сборе архивных документов гвардейских полков⁶⁴.

С большим воодушевлением Габаев встретил формирование в конце 1918 г. при III секции ЕГАФ научно-издательского отдела (сначала назывался иногда комиссией, а затем военно-научноиздательским отделом). В него вошли военные специалисты, и среди них А. И. Верховский (бывший военный министр Временного правительства), Н. П. Михневич (бывший начальник Главного штаба) и другие, а также военные архивисты — А. И. Лебедев (заведующий 2-м отделением III секции — Морской архив) и Габаев с их помощниками. 14 декабря 1918 г. Габаев провел учредительное совещание петроградской группы отдела, избравшее руководителем Э. С. Батенина (демобилизованного офицера, специалиста по Средней и Центральной Азии). Впрочем, это было заранее предусмотрено Рязановым⁶⁵. Габаев охарактеризовал состав петроградских архивов и предложил обсудить вопрос о формах издательской деятельности. На этом и на последующих совещаниях было решено издать серию сборников документов, необходимых для изучения «развития русской вооруженной силы и государственной обороны в связи с событиями минувшей войны»⁶⁶.

В апреле 1919 г. Батенин докладывал Селивачеву о трудностях работы отдела: неразобранные архивы, неслыханно холодная зима («по сведениям петроградской обсерватории столь сильное понижение температуры не наблюдалось свыше ста лет»), острая нехватка продовольствия, физическое истощение и удрученное моральное состояние сотрудников. Выражая надежду на улучшение работы, Батенин подчеркивал неизменно «полное и всестороннее, исключительно ценное содействие», оказываемое Габаевым, особенно «после перехода всех (петроградских военных... — В. А.) архивных фондов в его ведение»⁶⁷.

Габаев ревностно заботился о профессиональной подготовке сотрудников своего отделения. В январе 1919 г. он докладывал Плутону: несмотря на самые неблагоприятные условия, напряженную работу, «недоедание, от-

существование отапливаемых помещений и пр., почти все служившие отделения... прошли Архивные курсы (при Петроградском археологическом институте.— В. А.) и ныне состоят на практических занятиях» этих курсов. Сам Габаев, «не записываясь официально, прослушал весь комплекс лекций по архивоведению»⁶⁸. Их читали Е. В. Тарле, О. А. Добняш-Рождественская, М. А. Полиевктов, В. В. Бартольд и другие историки, а в числе лекторов-архивистов были А. С. Николаев, И. Л. Маяковский, И. А. Блиннов, В. В. Смигирев, А. И. Лебедев, В. Н. Кун. Однако обучение там не давало знаний по военно-архивному делу. Поэтому Габаев разработал программу спецкурса по истории армии и военной администрации. Она включала обзорные организации вооруженных сил — «до отдельных (воинских) частей включительно», всех военных реформ в России, преобразований времени первой мировой войны, порядка расформирования армии в 1918 г. Намечалось освещение развития военного законодательства, постановки военного делопроизводства и письмоводства. Имелось в виду раскрыть историю и содержание военных архивов, «значение для архивного дела войсковых хроник», военной библиографии, важнейших трудов военных историков⁶⁹. Такая программа выражала представления Габаева о сумме специальных знаний, владение которыми он считал необходимым для военных архивистов. Однако программа была слишком обширной.

В апреле 1919 г. Габаев сообщал председателю совещания заведующих петроградскими отделениями ЕГАФ А. С. Николаеву о необходимости проведения краткосрочных курсов для работников военных архивов. В теоретической части сокращенного варианта программы (25 лекций) остались: обзор организации и управления русской армии до ее расформирования в 1918 г.; военное законодательство и делопроизводство с обзором положений и распоряжений о письмоводстве, сдаче и хранении дел; краткие сведения о военной историографии и библиографии, а также о музейном и библиотечном деле. Практические занятия по архивоведению (методике и технике) и военному письмоводству намечались в объеме 9 часов⁷⁰. Коллегия Петроградского отделения Главархива в мае 1919 г. утвердила программу, но без вопросов военного законодательства, музейного и библиотечного дела⁷¹. Курсы не состоялись из-за призыва основного состава сотрудников на военную службу⁷².

Помимо архивной работы Габаев уделял значительное внимание военным библиотекам. Обозначим это несколькими штрихами. В декабре 1918 г. Габаев докладывал Главархиву, что приступает к формированию справочной библиотеки своего отделения. Источниками комплектования были книжные собрания петроградских военных учреждений и старых русских полков. Габаев предполагал охватить и «основные труды в области архивного строительства, архивоведения и архивоведения»⁷³. Но ему и Зуеву пришлось вести активную борьбу за сохранение ценнейшей библиотеки Главного штаба, которую разбазаривал М. К. Соколовский, являвшийся в то время заведующим библиотечной секцией Аудитории военного дела Петроградского обкомкомата. Вопрос докладывался Селивачеву, который выразил уверенность, что Всероссийштаб никогда не допустит распыления библиотеки⁷⁴. В мае 1919 г. Габаев выступил на совещании управляющих петроградскими отделениями ЕГАФ с докладом «О книжно-библиотечных организациях ЕГАФ»⁷⁵, а на лето планировал составление в своем отделении «исчерпывающей библиотеки». Теоретически ее подготовка почти закончена, отмечал он, но нужны ассигнования и помещение. Одним из возможных мест Габаев называл дом, «где умер генералиссимус князь Суворов (Крюков канал)»⁷⁶. Работа продвигалась не столь успешно. Летом удалось систематизировать книги бывшего Архива казачьих войск, справочной библиотеки Главного штаба и начать разборку 20 тыс. книг Инженерного комитета⁷⁷.

Музейное дело не вписывалось в архивное строительство. Но судьба военных музеев волновала Габаева и Зуева. О том, что музейные работники обращались летом 1918 г. к Габаеву за консультацией по поводу Знаменного отдела, уже говорилось. После краха идеи Народного музея мировой войны была создана комиссия по приему Паркомпросом военных музеев из военного ведомства. Членом комиссии стал Зуев. В июле он пробивал этот вопрос в Москве, в ряде главных военных управлений, оговаривая роль III секции ЕГАФ в определении того, что является «исторической частью» музеев, а что — их педагогическим и учебным «инвентарем», оставляемым за военным ведомством. Зуев добивался, кроме того, получения каравана барж для эвакуации военно-музейного имущества из Ярославля (намеревался туда отправиться сам). Одновременно он выяснял, что начальник одного из отделов Главного военно-хозяйственного управления А. А. Завадский хранил на московской квартире 127 знамен Интендантского музея. Дубликат наспех составленной записки об итогах незавершенных переговоров в Москве Зуев предназначал Габаеву⁷⁸.

¹ Новейшие работы на эту тему: Авторкратов В. Н. Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX — начала XX в. // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982; Он же. Понятие «архивный фонд» в советском архивоведении 1920-х годов // Там же... 1984 год. М., 1986. См. также: Старостин Е. В. Происхождение фондового принципа классификации документов // Советские архивы. 1988. № 6.

² После этой беседы авторство Габаева было отмечено в сообщении: Олигов А. В. Фонд Общества российских архивных деятелей в ЦГАОР СССР (1917—1924 гг.) // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сборник статей. М., 1980. С. 76.

³ Анианский С. I-я конференция архивных деятелей Петрограда. 25—28 мая 1920 года // Дела и дни: Исторический журнал. 1920. Кн. I. С. 378.

⁴ ОР ГПБ. Ф. 1001 (Г. С. Габаев). Оп. 1. Д. 5. Л. 7; Д. 33. Л. 4. В послужном списке подпоручика Габаева (1900 г.) сказано, что «за ним, родителями его» недвижимого имущества — родового или: благоприобретенного — нет. (ЦГВИА СССР. Ф. 409 (Послужные списки). Оп. 1. Д. 132893 / 1—40).

⁵ Габаев Г. Русское военно-историческое общество (1907—1914 гг.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 4(9). С. 122. П. Я. Дашков (1849—1910) охотно разрешил пользоваться своей знаменитой коллекцией рукописей, рисунков, гравюр, портретов и редких изданий. Был тонким знатоком военной иконографии. Являлся членом Академии художеств.

⁶ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 49. Л. 7.

⁷ Воронов А. П. Архивоведение: Конспект лекций, читанных в С.-Петербургском археологическом институте. СПб., 1901.

⁸ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 33. Л. 9, 30.

⁹ Оценку полковой историографии см.: Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 308—309.

¹⁰ Адамович Б. В. Полковые музеи // Русский инвалид. 1900. № 255.

¹¹ Бобровский П. О. История полков русской армии // Там же. 1901. № 84.

¹² Устав имп. Русского военно-исторического общества. СПб., 1908. С. 5.

¹³ Цит. по: Дьяков В. А. О возникновении, составе и деятельности Русского военно-исторического общества (1907—1917 гг.) // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 279. См. также: Кочетков А. Н. Русское военно-историческое общество (1907—1914) // Военно-исторический журнал. 1965. № 9.

¹⁴ Дьяков В. А. Указ. соч. С. 276.

¹⁵ Габаев Г. С. Инженерные войска // Столетие Военного министерства, 1802—1902: Главное инженерное управление: Исторический очерк: Царствование имп. Александра I. Очерк 2. СПб., 1902. Т. 7. Ч. 1. С. 599—788. (В качестве «помощника составителя» Габаев участвовал и в других томах «Столетия...»); Габаев Г. С. Опыт краткой хроники-родословной русских инженерных войск. СПб., 1907.

¹⁶ В 1901—1904 гг. он заведывал библиотечной батальона. (ЦГАОР СССР. Ф. Р-7789 (Об-во российских архивных деятелей). Оп. 1. Д. 49. Л. 304).

¹⁷ При участии Габаева составлена записка-инструкция местным отделам ИРВЮ. предлагавшая заниматься отысканием и изданием архивных документов (для чего требовался специальный разбор архивов), а также описанием музеев, в частности полковых, с военно-исторической точки зрения, «розсык, описание и поддержание различных памятников военной старины» и др. (см.: Журнал ИРВЮ. 1913. № 3. С. 102—109).

¹⁸ Габаев Г. С. Роспись русским полкам 1812 года. Киев, 1912.

¹⁹ Габаев Г. С. Сто лет службы гвардейских сапер. 1812—1912: Краткий исторический очерк. СПб., 1912. Для «Военной энциклопедии» Габаев написал статью «Саперный лейб-гвардии батальон», но издание

энциклопедии оборвалось на слове «Порт-Артур». (Поэтому не вышла и статья Габаева о генерале Шальдере).

²⁰ Рец. на: Г. Габаев. Сто лет службы гвардейских сапер. Краткий исторический очерк // Журнал ИРВИА. 1913. № 1. С. 35.

²¹ Габаев Г. Документ о русских знаменах и прочих войсковых регалиях начала XIX в. (1803—1805 гг.): Опыт историко-иконографического описания // Журнал ИРВИА. 1911. № 1; Он же. Краткий очерк образа русских знамен и штандартов в XIX веке: Знамена и штандарты, пожалованные русскими государями русским регулярным войскам в течение XIX в. // Там же. 1911. № 4—6; Он же. Роспись знаменам. 1796—1912 гг. СПб., 1913; Габаев Г. С., Казин В. Х. Знамя // Военная энциклопедия / Изд-во И. Д. Сытина. Т. 10. С. 532—543 (авторы названы в конце тома; отдельные отски красочных таблиц этой статьи вышли в 1912 г.); Г [абаев] Г. Описание знамен, знаменных значков и хоругвей Оренбургского казачьего войска (Оренбург, 1912). — Рец. // Журнал ИРВИА. 1913. № 4. С. 217 и др.

²² Симкин М. П. Знамена как исторические памятники и музейные экспонаты // Труды НИИ музейведения. М., 1963. Вып. 10. С. 13—17. В январе 1916 г. была сформирована «Комиссия для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечения ее в памяти потомства» во главе с Д. А. Сколом (председателем ИРВИА). Одной из ее задач было собирание знамен и флагов, захваченных у неприятеля. В июле 1917 г. в нее вошла Комиссия 1911 года. Ставилась цель создания «Народного музея памяти текущей войны». В обывденном употреблении и своих протоколах объединенная комиссия в 1918 г. часто называлась «трофейной». Но так же иногда называли Комиссию 1911 года.

²³ Белавенец П. И. Артиллерийский исторический музей: Знаменный отдел: Краткий указатель коллекций. Л., 1927. С. 8; ЦГВИА СССР. Ф. 796 (Архив Филала ЦГВИА в Ленинграде). Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

²⁴ Приказ Наркомвоен № 42 от 18 июня 1918 г. (подписан Л. Д. Троцким и К. А. Мехошиным). — ЦГВИА СССР. Ф. 16180 (Комиссия по организации Народного исторического музея). Оп. 2. Д. 4. Л. 1. Одновременно создавалась Военно-историческая комиссия по описанию опыта войны 1914—1918 гг. (Поликарпов В. Д. Начальный период гражданской войны: История изучения. М., 1980. С. 83—84), причем Наркомвоен подчеркивал связь задач этих комиссий (ЦГВИА СССР. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 242. Л. 25).

²⁵ ЦГВИА СССР. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 292. Л. 1. 3—5.

²⁶ Там же. Л. 3. Впоследствии было уточнено: во время подавления мятежа в Ярославле погибло около 2000 знамен. Но имелись их рисунки, исполненные в деталях и натуральную величину (Белавенец П. И. Указ. соч. С. 6, 9).

²⁷ Храмом Славы назывался Кавказский военно-исторический музей. См.: Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис. 1913.

²⁸ ЦГВИА СССР. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 292. Л. 3—4 (Частично эти цитаты приведены в работе: Симкин М. П. Указ. соч. С. 17). В конце 1918 г. «Комиссия по сбору, переписи и хранению трофеев...» была преобразована Наркомвоен в Комиссию по организации и устройству Народного военно-исторического музея войны 1914—1918 гг. (ЦГВИА СССР. Ф. 16180. Оп. 2. Д. 4. Л. 13, 23). Создание музея пропагандировалось в статье, подписанной П. Н. (Военное дело. 1919. № 4). Затем усилились волеисполнители Всесоюзного штаба удалось ввести в состав названной комиссии «Знаменное отделение по описанию исторических и других знамен» (Приказ РВСР от 1 апреля 1919 г.). Руководителем отделения остался Белавенец. Однако создание отделения вызвало гнев комиссара Московского военного округа Е. М. Ярославского. Он задавал вопрос: следует ли тратить человеческие силы и народные деньги, пусть небольшие, на собирание сведений о знаменах? «Мы прямо отвечаем: рабочему классу не нужно» (Е. Я. Нужно ли это? // Правда. 1919. 21 апреля. № 86. С. 1). Другой политработник высмеивал идею самого Народного музея. Прочитав в «Известиях Наркомвоен» (1919. 27 марта. № 58. С. 1) приказ о его создании, он саркастически замечал: «...невольно думается, не перепечатка ли это из какой-либо бело-гвардейской газеты... Кстати, ведь Колчак и сам один из «героев» [мировой войны], имеет золотое оружие «за храбрость»... Авантюра с «героями» и «всероссийским воинством» должна быть скорее ликвидирована» (Будевич А. Народный военно-исторический музей // Известия Наркомвоен. 1919. 9 мая. № 96. С. 2—3). После этого Малый Совет нарком упродизлил комиссию и Знаменное отделение (ЦГВИА СССР. Ф. 16180. Оп. 2. Д. 4. Л. 26), поставив крест на попытках создать музей мировой войны.

²⁹ ЦГАСА. Ф. 15133. (Управление начальника инженеров Петроградского военного округа). Оп. 1. Д. 54. Л. 94.

³⁰ Габаев Георгий Соломонович // Военная энциклопедия. СПб.: Изд. И. Д. Сытина. Т. 7. С. 129; То же // Новый энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауз, А. И. Ефрон. Т. 12. С. 287.

³¹ ЦГВИА СССР. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

³² Габаев Г. С. О способах ознакомления стошней годовщины «Священной памяти Двенадцатого года» // Журнал ИРВИА. 1910. № 2.

³³ ЦГВИА СССР. Ф. 2177 (Штаб 1-го гвардейского корпуса). Оп. 1. Д. 3026. Л. 145.

³⁴ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 33. Л. 13, 24 об.

³⁵ Там же. Д. 245. Л. 7.

³⁶ Янин В. Л. Генеалогия и геральдика // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 633; Аксенов А. И. Очерк истории генеалогии в

России // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 40, 74, 77; Бычкова М. Е. Деятельность Русского генеалогического общества // История СССР. 1982. № 5.

³⁷ См., напр., небольшую работу (на 8 с.), потребовавшую значительного труда: Габаев Г. С. Список нынешним полкам и батальонам, непрерывно существовавшим с 1812 г. и участвовавшим в Отечественной войне, а также тем частям, которые являются ближайшими и прямыми потомками частей-участниц Отечественной войны. СПб., 1912.

³⁸ В декабре 1913 г. Габаев выступил с докладом «О неправильностях в хрониках и исчислении старшинства грендерских и старых пехотных полков» (опубл.: Журнал ИРВИА. 1914. № 1, 2). Он же написал редакционную статью «О принципах старшинства войсковых частей» (там же, 1914. № 1). Эти работы вскоре вышли под общим заглавием: Габаев Г. О старшинстве войсковых частей и хрониках грендерских и пехотных полков. СПб., 1914. Не считая изучения вопроса законченности, поскольку не было «возможности проверить по первоисточникам» некоторые официальные хроники XIX в., автор просил указать имеющиеся ошибки и пропуски.

³⁹ Габаев Г. Опыт краткой хроники-родословной... С. 15—16.

⁴⁰ Там же. С. 9.

⁴¹ ОР ГПБ. Ф. 1001. Д. 55. Л. 41, 41 об. Полковое родословие не удалось сложиться в научную дисциплину, хотя имелись самостоятельный предмет, понятийный аппарат и метод родословного древа.

⁴² Там же. Д. 33. Л. 27.

⁴³ Опись фонда составлена Л. А. Мандрыкиной. Даже беглое ознакомление с описью показывает фундаментальность замысла Габаева и громадный объем выполненной работы, причем нужно учитывать, что этот материал, находившийся в блокадные годы без его присмотра в ленинградской квартире, сохранился не полностью. В фонде имеются, в частности: хроники и родословные строевых частей всех видов русской пехоты за 1699—1914 гг., хроника пехотных дивизий 1806—1856 гг., материалы о резервной пехоте 1806—1870 гг., армейских резервных батальонах 1878—1905 гг., гарнизонной пехоте 1711—1890 гг., морской пехоте, горных и пеших казаках, стрелковых частях (1788—1914 гг.), о грендерах, егерях, карабинерах, о гатчинских войсках, финских полках русской службы и др. Здесь же — «Хроника преобразований и родословные воинских частей иноземных континентов русской армии 1699—1914 годов», где особенно выделены войска принца Рудольфа Конде (1797—1800 гг.). В фонде хранятся систематизированные сведения о пехотных формированиях 1914—1917 гг. Имеется «Опыт хроники-родословной русских пехотных полков и формирований 1699—1708 годов», составленный, судя по описи, в 1921—1922 гг., и многое другое. См. также: Анонотированный указатель рукописных фондов ГПБ: Фонды рус-

ских деятелей XVIII—XX вв. Л., 1982. Вып. 2. Габаев — Кош. С. 11—13.

⁴⁴ В 1914—1915 гг. Габаев «заведовал собираньем исторических материалов Гвардейского корпуса на войне» (ЦГВИА СССР. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.).

⁴⁵ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 33. Л. 22. В русской армии XX в. уже не было майоров. В гвардии не было и подполковников. Поэтому Габаев из капитанов был произведен в полковники.

⁴⁶ ЦГВИА СССР. Ф. 5380 (Л.-гв. саперный полк). Оп. 1. Д. 283. Л. 4 об.; Д. 1047. Л. 295, 513.

⁴⁷ ЦГВИА СССР. Ф. 2177 (Штаб 1-го гвардейского корпуса). Оп. 1. Д. 3026. Л. 146 об.

⁴⁸ Там же. Л. 150—150 об.

⁴⁹ Там же. Л. 149. Вышним из них был орден св. Владимира 3-й степени с мечами, полученный за участие в непрерывных июльско-сентябрьских боях 1916 г. в районе р. Стоход. Габаев горько сожалел, что не получил «статутных георгиевских наград», хотя «участие в боях под Люблином, Красновом и на Стоходе», по мнению его товарищей, как он писал, давало на это право. Но командир полка вообще не представлял своих офицеров к ордену св. Георгия (ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 33. Л. 22).

⁵⁰ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 2. Л. 10; ЦГВИА СССР. Ф. 800 (Архив ЦГВИА). Оп. 1. Д. 4. Л. 2. Одновременно Габаев был корпусным инженером 1-го гвардейского корпуса.

⁵¹ ОР ГПБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 2. Л. 10. Там же. Д. 33. Л. 23—23 об. При производстве в полковники Габаеву было установлено старшинство с 1 декабря 1915 г. См.: ЦГВИА СССР. Ф. 2131 (Управление начальника инженеров 7-й армии). Оп. 1. Д. 81. Л. 359 об. — 360.

⁵² Правильнее: 1-е отделение III секции ЕГАФ. Напомним, что III секция «Единого государственного архивного фонда формировалась в составе двух военных архивов (1-е петроградское и 1-е московское отделения) и военно-морского архива — 2-е петроградское отделение.

⁵³ ОР ГПБ. Ф. 1001. Д. 33. Л. 24 об. — 25.

⁵⁴ Габаев быстро завоевал авторитет архивистов. В июне — августе 1918 г. он участвовал в заседаниях Бюро и Временного совета Главархива (ЦГИА СССР. Ф. 6900 (Петроградское отделение ГУАД). Оп. 1. Д. 128. Л. 4, 8, 9, 11; Д. 131. Л. 1), работал в совещаниях заведующих петроградскими отделениями ЕГАФ, начиная с первого заседания 23 июля 1918 г. Более того, в сентябре 1918 г. его кандидатура — по рекомендации А. Н. Макарова и А. В. Шебало — рассматривалась советом Союза российских архивных деятелей. В ноябре тайным голосованием он был принят в члены Союза (ЦГАОР СССР. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 132 об., 282 об.).

⁵⁵ ЦГВИА СССР. Ф. 796. Оп. 1. Д. 3. Л. 15 об., 15а; Д. 13. Л. 10, 169, 196, 197.

⁵⁶ Там же. Д. 30. Л. 219.

⁵⁷ ЦГВИА СССР. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.